

Дина пыталась понять, как ей относиться к своему новому настроению. Кисть оплывала всё тем же коричнево-зелёным достоевским. Что на сей раз? Опять «Преступление»? Как и прежде, угадывались мостки, дома, фонари и каналы, сходящиеся в перспективу. Какие-то тени в длинных одеждах и странных головных уборах жалась к подворотням. Сумерки – не то утро, не то поздний вечер, не то поздняя осень, не то ранняя весна. Затянувшееся питерское уныние, поселившееся внутри, казалось по-прежнему бесконечным. Однако на листе происходило ещё что-то, что не поддавалось описанию. Пастозные мрачные наплывы клубились, туманились, образовывали скрутки и вдруг стекались в линию. Линия вбирала в себя мрак, высветляла фон и вычерчивала силуэт.

– Господи, что это? Неужто Пушкин возвращается? – замирала Дина, не веря своим глазам.

Гатчинская солнечность и воздушность, якобы оставшиеся в далёком прошлом, лёгкими дуновениями уносили с листа вязкую стылость, и с каждым мазком всё очевиднее доказывали невероятную реальность происходящего.

Дина вглядывалась в лист, пытаясь понять, чьи очертания выводит её кисть. Заинтригованная, она не могла оторваться, хотя ныла спина и уже хотелось отвести взгляд куда-нибудь вдаль, на живую жизнь – хоть за окно мастерской, на мост через Омку или на Любинский проспект. Там сновали машины, люди, там шёл снег и всё было понятно. Понятно – это единственное и не позволяло Дине оторвать взгляд от собственного рождающегося творения. Оно-то как раз и не было понятным, а потому манило, обещало интригу, и в нём одном был, как во все лучшие мгновения её жизни, истинный смысл жить. Позже, когда картинка

прояснится и как будто замрёт, застынет, обретёт статичность, законченность, – вот тогда можно будет подойти к окну, посмотреть на купола церквей, красиво вынырывающих из розового утреннего тумана или запахивающих в эффектный вечерний плащ. Что за цвет у него нынче? Ультрамарин? Кобальт? К ночи цвет становится густым, тяжёлым. А синий, как писал Кандинский, «склоняясь к чёрному, приобретает оттенок нечеловеческой печали. Он как бесконечное углубление в серьёзное, где нет и не может быть конца».

Но на рисунке черноты не было. Чернота, залитая с утра усталостью от однообразия и беспросветности будней, исчезала. Являлся свет. Он был знаком художнице до самой корневой сути, до чего-то давнего и уже почти забытого, и всё же являлся сейчас не то чтобы новым, а обновлённым, свежим, даже бодрым. Его она точно уже видела, но не на своих картинах и не в воображении, а где-то, когда-то. Когда? Вспомнить бы... Или лучше не пытаться, а то вдруг интрига перестанет манить, тайна исчезнет, а с ней исчезнет очарование момента. Давно уже ей не писалось так заинтересованно.

Линия тянулась, изгибалась. Она поворачивала влево, взлетала вверх. Там чуть зависала и, словно поддавшись силе притяжения, летела вниз. На полпути совершала усилие, останавливалась, раздумывая, куда двигаться дальше, и, как балерина ножкой, рисовала пируэт. Потом исчезала вовсе. Кисть в это время несколькими движениями покрывала поле рисунка световыми пятнами. Где-то Дина видела эту вещь. На высветленном фоне нарисовалась шляпка. Не шляпа, а именно шляпка. Маленькая. Крохотная. Нужно было взглядеться, чтобы понять, что это такое. Странная шляпка, из давних времён. Явно не из здешних мест, откуда-то издалека... Впрочем, и мрачные Достоевские шляпники тоже все странные и все не отсюда...

Ба, да это же...

– Стоп, – сказала себе Дина. – Кажется, я поняла.

Не глядя больше на рисунок, она опустила кисть в банку с водой и поднялась с табурета. Спина с лёгкостью распрямилась

и позволила Дине встать во весь рост. Дина не была грузной и тяжёлой в движениях, что было бы естественно для женщины её возраста. Другьям всегда казалось, что вот сейчас Дина по-прежнему легко может заплести косички и запросто пуститься играть в классики на расчерченном клеточками асфальте. Она быстро собиралась в любую дорогу. Могла отправиться через весь город к подруге или днями пропадать на пленэре со студентами. Всё ей было нипочем. Внутри всегда горел маячок. Он всегда показывал Дине путь и придавал уверенности в достижении цели, какой бы эта цель ни была и как бы далеко ни находилась.

Дина постояла у окна. Город слишком занят собой. Ему ни до кого нет дела. И к лучшему. Сейчас необходимо сосредоточиться. Некогда рассматривать замечательные ветки, покрытые замысловатыми белыми узорами, раскрасневшихся от мороза прохожих, крыши домов в причудливых шапках, все эти кричащие ни о чём нелепые вывески, рекламные щиты и как будто прислушивающиеся к чему-то памятники.

Маленький диванчик, удивлённо скрипнув, принял женщину в свои объятия. Наверно, что-то случилось. Обычно она садилась на плетёный стул или погружалась в старенькое кресло-качалку. Последний раз диванчик ощущал тяжесть хозяйки, когда к ней в мастерскую пришли какие-то люди. Прошло уже несколько месяцев с тех пор. Они доставали отовсюду её работы. Раскладывали на столе листы, расставляли по всем углам и на все горизонтальные поверхности рамы с её работами. Что-то обсуждали, что-то записывали. Хозяйка величаво сидела на диванчике, изредка отвечала на вопросы, кивала головой. Когда гости ушли, пила капли и плакала. Потом её долго не было в мастерской. А когда появилась снова, даже не подходила к диванчику. Складывала на него одежду, ставила сумки, усаживала гостей. И вот тебе здрастье...

Дина погладила вытертую обивку диванчика, посмотрела на подлокотник, смахнула невидимую пыль. Посмотрела в окно, сложила руки на столе и опустила на них голову...

...Мама перебирала спицами шерстяную нить и с улыбкой смотрела, как её дочурка усаживает на стулья вокруг обеденного стола кукол, разговаривает с ними. На круглых щёчках ямочки, на толстеньких косичках бантики, юбочка клёш, домашние тапочки с помпончиками. Очаровательный ребёнок. Послушная девочка, смотрит на родителей во все глазки, бабушку с дедушкой слушается тоже. Дай Бог ей здоровья! И это притом, что и побаловать-то дочку нечем. Одна еда – с огорода, и летом, и зимой, и осенью. Отец иногда муки да сахару в дом принесёт. Да бутыль масла дадут, если на работе план перевыполнят. Ничего, привыкли. Зато никто не стреляет на улицах, не ходит с обрезами. Тут спокойнее. Хорошо, вовремя уехали. Ребёнок не успел испугаться, не понял ничего. Пусть и не знает, что к чему. Маленькая вроде, всего три годика, а научилась из тряпочек да из соломки куколок делать, вон сколько уже понаделала. Правда, приходится перевязывать поясок самой – у девочки сил не хватает, но сама соображает, какую кофточку сделать, как лицо нарисовать. Пряма художница растёт...

– Диночка, садись, детка, кушать будем. Мама кашу сварила.

После обеда мама ушла во двор – там у хозяйки всегда дел много. Диночке велено куколок уложить спать, убрать со стола и самой собираться отдыхать. Мама скоро придёт, споёт песенку перед сном.

Девочка выполнила все мамины указания и, подражая бабушке, уселась на стул, охая и причитая.

– Глехи мои тяфкие, уф-уф, плости, Господи...

Диночка терпеливо смотрела на дверь – оттуда должна была появиться мама. Как вдруг увидела маленького человечка. Откуда он взялся, ведь дверь даже не шелохнулась? Девочка сначала увидела даже не человечка, а шляпку. То была шляпка песочного цвета. Шляпка как будто всё время менялась. Поля становились то шире, то уже. Дно то сужалось, превращаясь в колпачок, то становилось respectable тульёй. Шляпка как будто решала, показать девочке, кто под ней, или нет. И девочка увидела. Сначала

она разглядела доброе личико. Глаза на нём словно светились. Да и всё личико тоже как будто светилось добротой. Диночка сумела рассмотреть красную жилетку без пуговиц. Под ней – белую рубашечку с высоким воротником, зелёные шаровары и совсем уж крохотные башмачки. Девочка съехала со стула и хотела подойти к человечку. Но тот затоптал башмачками и вдруг оказался в углу около окна. Диночка снова двинулась в его сторону, и тут гномик посмотрел на неё, скосив голову на бок. От его глаз к Диночке протянулись как будто золотистые канатики, по которым перетекла к ней, вошла в неё и слилась с нею такая же золотистая энергия, доброта, сила и уверенность. Гномик улыбался тёплой улыбкой, отходя к стене... сливаясь... исчезая. Диночка подошла к тому месту, где только что стоял человек. Погладила стенку, ещё тёплую и шершавую. Она гладила и гладила стенку, гладила и гладила, пока не поняла, что вовсе это не стенка.

– Что же? – подумала Дина.

Всмотрелась и увидела... скатерть. Скатерть лежала на столе. Дина увидела свою руку, согнутую в локте. На ней она лежала, а другой рукой гладила скатерть.

– Ну вот, мама совсем чуть-чуть задержалась. Уснула моя девочка. Умничка. Пойдём, пойдём, песенку тебе спою, пойдём в постельку.

– Мама, я гномика видела. Он такой хороший. Добрый-предобрый!

– Гномика? Вот фантазёрка. Бабушкиных сказок наслушалась. Ложись на бочок. Досматривай свой сон...

Мама откинула одеяльце и уместила Диночку на диванчик. Растёт девочка, растёт. Скоро придётся переводить её на кроватку.

* * *

Диванчик скрипнул раз, другой, третий. Неудобно хозяйке? И хорошо, и нечего. Не к добру эти необычные сидения. Пусть уж лучше сумки ставит. И ей хорошо – значит, снова в работе. И ему легче – старый стал, неумогу принимать что-то тяжелее хозяйской сумки.

Дина встала. Подошла к окну. Город спал. Дома улеглись в узкие кровати улиц. Купола соборов потерялись в свете фонарей, растворились во мгле. Снег в искусственном свете казался уютным, тёплым, домашним.

– Врёшь, не пойду, не заманишь. У меня нынче другое.

Дина вернулась к столу, взяла лист, над которым работала с утра. Законченная вещь, даже чуть холодная, как будто чужая. Облака, деревья, мостики – как ни крути, всё равно угадывался питерский пейзаж. На холме в отдалении выстроилась церквушка. Она угадывалась по трехглавым очертаниям, увенчанным крестами. По извилистой тропке от церкви в правый нижний угол картины семенил маленький человечек. Его курточка была единственным ярким пятном. Она притягивала взгляд, не позволяла оторваться. Человечек был чему-то очень рад. Его глаза светились от счастья. Под мышкой он нёс небольшой предмет. Если присмотреться, внимательно присмотреться, может быть, даже взять лупу, видно, как едва заметные яркие разноцветные точки, расположенные полукругом, образуют палитру. И только тогда взгляд пробежал вперёд по дорожке и обнаруживал в самом уголке картинку маленькую девочку. Она держала в руке кусочек стёклышка такого же цвета, как курточка гнома, и смотрела сквозь него вверх, пытаясь разглядеть сквозь облака солнце...

Дина поворачивала акварель и так и эдак, подносила её к свету и уносила в тень. Написанное явилось из глубин её души, а ощущение такое, что рукой водила не она сама, а кто-то другой. Дина знала, кто. С тех далёких детских лет Диночка больше не видела гномика ни во сне, ни наяву. Изредка вспоминая о нём, она рассказывала о той встрече самым близким. Ей никто не верил, даже бабушка. А ведь от неё Диночка и услышала, что если рядом с домом стоит церковь, то ангелы превращаются в гномов и приходят к чистым духом людям, чтобы наградить их особым даром. Как доказать, что ты не сочиняешь и не выдумываешь? Да и зачем кому-то что-то доказывать? И Диночка перестала рассказывать. Потом перестала даже думать о гномике. Наверно, он рассердился. Поэтому на долгие годы в душе поселились сомнения в себе,

в даре. Поэтому с возрастом, когда уходила энергия и организм стал изнашиваться, пробуксовывать, впустила в себя уныние и неверие в себя. Но теперь всё переменится. Прожитые годы перестали ощущаться. Как будто крылышки выросли за спиной...

На стеллаже кстати нашлась чистая папка. Дина уложила в неё первый рисунок и написала в верхнем уголке обложки: «Гном».

* * *

Впервые за последние несколько лет Дина засыпала, улыбаясь. Диванчик возмущённо всхлипывал, шатался, пытался вытолкнуть хозяйку – совесть надо иметь, совсем в детство впала, спать на нём уже давно нельзя, да и сидеть небезопасно... Дина спала, и над её головой звенели крылышками эльфы, где-то под полом вели весёлые хороводы мышата. И как когда-то давно, когда была жива мама, и бабушка пекла самые вкусные на свете пирожки, маленький человечек в причудливой шляпке, улыбаясь, смотрел на неё, одобрительно покачивая головой.

«Достоевские» акварели в утреннем свете теперь не кажутся мрачными. Они, хотя по-прежнему достоевские, но вполне уважаемые и миролюбивые. Рядом с ними, оттеняя их и высвечивая, вдохновенные пушкинские осени, светлые и солнечные. И новая папка, от которой тоже исходит свет. Может быть, потому что она белая, а может быть, почему-то ещё...